

А. А. Андреев, В. А. Шорохов

ПОЛИТИКА РОССИИ В ТАДЖИКИСТАНЕ В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ¹

Мониторинг общественного мнения пользуется среди политологов известной популярностью. Собранные в результате опросов данные позволяют выявить реакцию различных групп населения на широкий круг актуальных социальных, экономических и политических явлений современности, предложить властным структурам меры по корректировке ситуации и определить перспективы ее развития. В частности, достаточно эффективны «социологические» методы при проведении исследований в сфере этнологии и региональных исследований. Так, именно создание репрезентативной выборки сотен и тысяч индивидуальных мнений позволяет выдвигать научные интерпретации таких феноменов, как ренессанс этничности и возникновение региональных конфликтов.

Распад СССР привел к стремительной актуализации проблем, сочетающих в себе этнологическую, региональную и культурно-историческую специфику. Как следствие, возникли новые институциональные формы, призванные проводить исследования в данной сфере и аккумулировать их результаты. В условиях нарастающей межэтнической напряженности начала свою работу сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов². Специалистами из Института этнологии и антропологии РАН была развернута широкая программа прогнозирования межэтнических конфликтов на постсоветском пространстве. Вышедший в 1992 г. из состава ВЦИОМ³ и ставший коммерческой организацией Фонд «Общественное мнение» провел ряд опросов с целью изучить особенности восприятия гражданами страны внешнеполитических шагов российского руководства, в том числе и в отношении Центральной Азии (в частности, в 2006 г.)⁴.

С 2003 г. начал активную работу аналитический центр Юрия Левады, эксперты которого успешно занимались мониторингом общественного мнения относительно внутренней и внешней поли-

тики российского руководства еще с 2001 г.⁵ Интерес представляют статистические материалы, позволяющие проследить обеспокоенность российского населения нестабильной ситуацией на афганотаджикской границе в 2001 г. (на излете правления режима талибов к Кабуле)⁶.

При видимом разнообразии публикуемого материала налицо один его существенный недостаток. В современных условиях, когда Российская Федерация, переживающая экономический подъем и политическую стабилизацию, принимает меры по восстановлению своего влияния в Центральной Азии, исследователям и аналитикам необходимы не только сведения о мнении граждан России относительно ее внешнеполитических шагов в данном направлении. Не менее актуальным является и изучение представлений и стереотипов, из которых складывается современный образ (на самом деле, несколько взаимодополняющих «иконографий») северного соседа в глазах жителей вышеуказанного региона.

Получив благодаря нашим друзьям и коллегам из Кунсткамеры уникальную возможность принять участие в Центральноазиатской экспедиции МАЭ РАН (июль — август 2011 г., руководитель — главный научный сотрудник д. и. н. Рахмат Рахимович Рахимов), мы попытались, используя преимущественно метод интервьюирования, решить следующие научные задачи:

— определить факторы, препятствующие двустороннему сближению и искажающие представления граждан России и Таджикистана друг о друге;

— проследить эволюцию стереотипов, которые определяют образ России в представлении интеллектуальной и экономической элиты Таджикистана, а также средних и бедных слоев населения;

— выявить принципиальные различия во мнениях среди представителей различных регионов Таджикистана относительно как перспектив дальнейшего присутствия России в Центральной Азии в целом, так и о роли ее основных конкурентов — США, Китая, Турции, Ирана, а также ряда негосударственных акторов, в том числе организаций исмаилитов-низаритов, подконтрольных Ага-хану IV.

Темы, обсуждавшиеся в беседах с информантами:

1. Ваше отношение к распаду СССР?

2. Ваше видение современных российско-таджикских отношений?
3. Ваше мнение о влиянии России в Центральной Азии?
4. Ваше мнение относительно межнациональных отношений в республике?

В ходе исследования была проведена обширная серия интервью в большинстве ключевых регионов Республики Таджикистан: в Душанбе и Гиссарском районе (поселок городского типа Гиссар), на севере страны (Пенджикент и поселок Гусар (Колхозчиен), на юге (Хатлонская область), на территории Горно-Бадахшанской автономной области. В качестве информантов нами привлекались сотрудники государственных аналитических центров и научных учреждений РТ, представители крупнейших оппозиционных партий (коммунистов и партии Исламского возрождения Таджикистана) и религиозных общин (суннитов, исмаилитов и православных), местных органов власти и бизнеса. Кроме того, в Санкт-Петербурге нам удалось побеседовать с представителями двух основных организаций, объединяющих таджикскую диаспору Северо-запада: «Молодежного общества студентов Таджикистана» и МРОО «Памир». Всего было опрошено более 50 человек, большинство из которых занимает достаточно высокое место в традиционной клановой иерархии Таджикистана и, следовательно, во многом определяют контуры восприятия России таджикским общественным мнением.

Несмотря на значительное количество полученных в ходе интервью данных, их обработка и использование связаны с рядом специфических проблем. Так, региональная культура ведения беседы накладывала ограничения на прямые вопросы по тематике исследования. Кроме того, особенности общественно-политической ситуации в Таджикистане (наличие сложной системы неформальных связей (дружеских, земляческих, родственных), которая, охватывая каждого члена общества, определяет его социальное, экономическое, политическое положение) и высокий статус информантов заставляли их либо проявлять осторожность при выражении своей позиции, либо довольно жестко критиковать политическое руководство республики. И, наконец, категоричность суждений в отношении России ограничивала «национальность» исследователей. Эти

обстоятельства затрудняли работу по формализации собранных данных. Однако мы считаем их частичное использование возможным уже сейчас, так как именно информация интервью дает возможность реконструировать эволюцию образа России на «ментальной карте» таджикского общества.

Прежде чем перейти непосредственно к изучению заявленной проблемы, представляется уместным описать ситуацию в Республике Таджикистан, сложившуюся к началу XXI в.

К моменту распада СССР Таджикская Советская республика была, пожалуй, наиболее «проблемной» частью Союза. Более чем на 9/10 состоящая из высочайших горных систем (Памир, Тянь-Шань и нескольких меньших по размерам гряд на западе страны), она получала из соседних регионов большую часть необходимых для жизни ресурсов. Единственной отраслью экономики, обладавшей значительным экспортным потенциалом, была гидроэнергетика. Однако масштабный план создания десятков новых ГЭС, принятый в первой половине 1970-х годов, не был реализован к 1991 г.⁷ Граничащая с раздираемым войной Афганистаном, отсталым китайским Синцзяном и постсоветскими государствами, страна оказалась отрезана от России — основного потребителя продукции немногих крупных предприятий. Кроме того, несмотря на усилия союзных и республиканских властей, население Таджикистана сохранило на протяжении всего советского периода «микрорегиональное» самосознание. На этом явлении следует остановиться подробнее, так как оно и сегодня во многом определяет динамику политической ситуации в стране.

В результате национально-территориального размежевания 1924—1929 гг. в состав Таджикской республики вошли некоторые районы бывшего Кокандского ханства (Худжанд (Ленинабад), Пенджикент и верховья р. Зеравшан), Памир и территории зависимых от Бухары бекств (Куляб, Бальджуван, Дарваз, Каратегин и др.)⁸. Эти образования, являясь по сути самостоятельными политиями в рамках отдельных долин, имели мало общего в историко-культурном и экономическом отношениях. Советская власть, пытавшаяся создать из жителей этих областей «единую социалистическую нацию», вынуждена была считаться с их гетерогенностью и использовать ее «в деле социалистического строительства». Это привело к «мута-

ции» региональных особенностей и формированию оригинальной системы специализации и дифференциации регионов страны. К концу существования СССР сложилась несколько модифицированная картина региональных сообществ⁹.

Доминирующую роль в политической и экономической жизни страны играли выходцы с севера республики («ленинабадцы»). В советское время северные районы страны были наиболее развитыми в хозяйственном отношении, получая основной объем дотаций. Именно «ленинабадец» Р. Н. Набиев в ноябре 1991 г. был избран первым президентом независимого Таджикистана. Однако советское прошлое сделало северян обороняющейся стороной в гражданской войне.

На юге страны наиболее влиятельной силой являлись кулябцы, «специализацией» которых считались республиканские силовые структуры. Основой их сплоченности было общинное общественное устройство, сохраненное советскими властями при проведении коллективизации.

Во многом схожие с кулябцами кланы Дарваза и Каратегина (предгорья Памира) отличались от них ярко выраженными антисоветскими (а затем антирусскими и антиправительственными) настроениями и большей религиозностью. Во многом это было связано с политикой насильственного переселения жителей предгорий в Вахшскую долину, проводившейся в послевоенный период.

Особое положение в Таджикистане (и в Средней Азии вообще) всегда занимали памирские народы. Проживая на 45 % территории республики (Горно-Бадахшанская автономная область), они составляли не более 4 % ее населения¹⁰. Условия высокогорья определили сохранение национальной, конфессиональной (большая часть памирцев — исмаилиты) и языковой (языки Бадахшана относятся к восточно-иранской группе) обособленности памирцев, консервацию родовой общины и крайнюю бедность местного хозяйства. Российская, а затем советская власть последовательно оказывала Бадахшану материальную поддержку. В частности, на территории автономии действовал так называемый «северный коэффициент». Это привело к росту уровня образования и культуры памирцев, одновременно подорвав и без того слабое хозяйство региона. Поэтому

распад СССР привел бадахшанцев к экономической катастрофе, настроив их против новой власти.

Кроме перечисленных выше существовали также более мелкие региональные группы таджиков: гиссарцы и гармцы, а также узбеки и ряд малых тюркских этносов (карлуки, памирские киргизы и др.)¹¹.

Важно отметить, что перегородки, фрагментирующие таджикское общество, многочисленны и многообразны. Они создают своеобразную иерархию различий, которая весьма причудливо воздействует на идентификацию контрагентов в качестве «своих» либо «чужих». Необходимо учитывать и тот факт, что микрорегиональный уровень самоидентификации сочетается в сознании жителей Таджикистана с элементами «общенационального» самосознания и прагматическим пониманием необходимости сотрудничать с поддерживающим его государством. Тем не менее этнолокальные различия играют важную роль в формировании отношения к внешнеполитическим партнерам РТ, в том числе к России.

Известные события советского периода, стратегические недочеты, приведшие к печальным результатам, могли трактоваться по-разному. По результатам опроса среди лиц пожилого возраста вне зависимости от социального или регионального происхождения в известной степени преобладают ностальгические настроения относительно советского прошлого, выражается сожаление или недовольство по поводу распада СССР: «Жалко, что СССР не существует»¹². Положительно оценивалось межнациональное согласие в СССР: «Дружба народов не была простым словом»¹³. «В Советском Союзе можно было свободно путешествовать. Отношения между людьми были искреннее и лучше»¹⁴, — сказал нам в ходе опроса мулла районной мечети Душанбе.

Зачастую придерживающиеся левых или левоцентристских взглядов озвучивали «конспирологические» версии распада Советского Союза: «Развал СССР — откровенное предательство»¹⁵, «Америка виновата в развале СССР»¹⁶. При этом важно отметить, что подобным образом мыслили респонденты, не имеющие высшего образования. Бывший представитель местной партийной номенклатуры перечислил поименно виновников «геополитической трагедии XX века»:

«Ими были представители ЦК партии Лигачев, Романов, Устинов, Горбачев. Больше всего Горбачев, он понятия не имел, что значит национальная республика. Его кругозор ограничивался МКАДом», «Горбачев и Ельцин — агенты, искусственно создали дефицит»¹⁷.

Обретение независимости и последовавший за ним экономический коллапс привели к тому, что оттесненные от управления кланы приступили к переделу власти, выпавшей из рук северян: началась гражданская война.

Не останавливаясь на драматической истории внутреннего конфликта 1991—1997 гг., вкратце обрисует его основные итоги.

Во-первых, вооруженное противостояние завершилось подписанием «Общего соглашения об установлении мира и национального согласия в Таджикистане» (27.06.1997), зафиксировавшего компромисс между центральным правительством и оппозиционными силами, входившими в движение «Объединенная таджикская оппозиция»¹⁸. Активную роль в мирном процессе сыграла Москва.

Во-вторых, исполнительная власть в стране при поддержке спецслужб РФ и Узбекистана была передана представителю кулябцев Э. Ш. Рахмонову¹⁹. Последний постепенно оттеснил от нее бывших союзников — «ленинабадцев» и гиссарцев. С одной стороны, это усилило недовольство региональных элит и создало разрыв между центральной и местной властью. С другой — процесс «укрепления вертикали» испортил отношения Э. Ш. Рахмонова с поддерживавшим северян Узбекистаном. И. А. Каримов, к тому времени обеспечивший себе неограниченную власть внутри своей страны, стал претендовать на роль регионального лидера. Укрепление таджикской независимости привело к свертыванию политических и экономических контактов между двумя государствами. Узбекистан стал демонстративно задерживать шедшие транзитом таджикские грузы, регулярно прерывать подачу экспортируемой в соседнюю страну электроэнергии, жестко критиковать любые экономические и политические инициативы РТ²⁰. Ответной реакцией администрации Э. Ш. Рахмонова стала политика формирования «образа врага» и привлечение внимания общественности к «несправедливости» передачи «большевиками» Узбекской ССР Самарканда и Бухары (основным языком городского населения которых до недавнего времени был таджикский)²¹. Таким

образом, негативное восприятие более сильного соседа и ощущение исходящей от него угрозы стало частью ментальности граждан Таджикистана, о чем много раз приходилось слышать от информантов. Согласно общему мнению опрошенных, главным виновником политики ассимиляции таджиков и нарастающей напряженности в отношениях между народами и республиками был президент Республики Узбекистан: «Плохие отношения с Узбекистаном по вине Каримова»²², «Каримов боится всех таджиков»²³, «Таджики в Узбекистане уже потеряли свой родной язык»²⁴. При этом были и оригинальные точки зрения, возлагающие вину на ухудшение отношений между республиками на «личностные неприязненные отношения Рахмонова и Каримова». Была также и критика в адрес руководства Таджикистана («таджикские школы в Узбекистане не обеспечиваются в должной мере учебно-методической литературой») ²⁵.

В-третьих, в 1990-е годы характер присутствия России в регионе претерпел существенные изменения. Экономическая помощь Таджикистану, несмотря на льготные условия ее получения, теперь не была безвозмездной и массивной по объемам. Основным аспектом двустороннего сотрудничества стал военный. Наличие значительного воинского контингента в Душанбе (201-я мотострелковая дивизия) и на границах с Афганистаном и КНР (Пограничная группа России в РТ), с одной стороны, гарантировало относительную безопасность и работу значительному числу местных жителей. С другой — для представителей власти, бизнеса и интеллигенции (особенно оппозиционной) российские войска стали символом определенной зависимости страны от бывшей «метрополии». Настороженность по отношению к РФ усиливали рассказы трудовых мигрантов и интенсивная реисламизация и бесхребетность российской политики в области поддержки российской культуры. Необходимы были шаги по улучшению имиджа нашей страны. Самым обобщающим было замечание от одного из информантов о «полном отсутствии в России концепции постсоветского пространства».

Относительно современной религиозной политики таджикского руководства часть информантов, особенно представители религиозных учреждений, осторожно, но последовательно озвучивали критику действий власти в данном направлении. В стране с августа

2011 г. вступил в силу Закон «Об ответственности родителей за воспитание и обучение детей». Одним из пунктов закона является то, что родители обязаны «не допускать участия детей в деятельности религиозных объединений, за исключением детей, официально обучающихся в религиозных учреждениях». Таким образом, согласно законодательству, гражданам до 18 лет запрещено посещать мечети, хотя по канонам ислама юноша обязан посещать молитвы в мечети уже с 12 лет²⁶. «С 12 лет они не молятся, это грех. Это очень опасно»²⁷, — так выразил свое мнение по этому вопросу мулла одной из районных мечетей Душанбе. По мнению представителя православного духовенства, государство «не помогает ни нам, ни мусульманам. Все полностью на самообеспечении»²⁸. Относительная «безучастность» государства в религиозных вопросах, точнее сказать, отсутствие помощи со стороны правительства религиозным организациям, отсутствие налоговых льгот («мы все платим налог на недвижимость»), малочисленность неисламских конфессий, возможно, послужили одним из факторов удивительного межконфессионального согласия в стране. По словам протоиерея отца Сергия, настоятеля Свято-Николаевского собора Душанбе, «мусульмане, чаще мусульманки приходят за святой водой, ставят свечи, детей приводят на благословление», «мы, в свою очередь, читаем молитвы за здоровье мусульман, принимаем записки за здоровье и за упокой с мусульманскими именами»²⁹.

Окончательная военно-политическая стабилизация в Таджикистане наступила во второй половине 1999 г., когда узбекская авиация уничтожила значительную часть лагерей Исламского движения Узбекистана, находившихся на территории Гармского района РТ. На ноябрьских президентских выборах убедительную победу одержал Э. Ш. Рахмонов³⁰. Именно на это время пришелся переломный момент российско-таджикских отношений: переход РФ от политики преимущественно безвозмездной поддержки режима к «прагматическому» сотрудничеству.

Первой «ласточкой» изменения курса РФ стало соглашение о возмездном предоставлении Россией военных полигонов для учений армии РТ от 19 июня 2000 г.³¹. Затем последовал отказ от кредитования Таджикистана на безвозмездной основе и от натуральной оплаты поставляемых ему услуг.

В декабре 2002 г. РФ и РТ заключили соглашение, ознаменовавшее окончание «эпохи гуманитарной политики», — договор об урегулировании задолженности по государственным кредитам. Согласно документу, Душанбе обязался выплатить Москве 397 553 473,06 дол. до 15 июля 2018 г.³². Как метко было замечено одним из информантов, «у России уже не братское отношение, а коммерческое».

Момент для начала перехода к «взаимовыгодным» отношениям был выбран российским руководством крайне неудачно. Москва привыкла к роли единственного реального гаранта существования слабо интегрированных частей Таджикистана в рамках единого политического организма. В свою очередь, таджикское руководство и общественное мнение республики воспринимали дотации из бывшего «Центра» как естественную плату за сохранение военного присутствия Москвы в геостратегически важном регионе. К сожалению, подобный формат взаимодействия не выдержал испытания динамично менявшейся ситуацией.

Прекращение гражданской войны и убедительная победа на выборах 1999 г. позволили Э. Ш. Рахмонову почувствовать себя первым легитимным таджикским лидером, который нуждается в российской опеке меньше, чем раньше³³.

Развертывание интервенции Запада в Афганистане снизило внешнюю угрозу и открыло перспективы военного сотрудничества с США, суля дополнительные доходы³⁴. После событий 11 сентября 2001 г. американцы предложили центральноазиатским странам на возмездной основе предоставить свои военные объекты для использования в борьбе с талибами. В то же время российские войска размещались на территории республики бесплатно (пусть они и гарантировали мирную жизнь). Но ввиду того, что экономические отношения с РФ теперь строились на прагматических принципах, в РТ возникли настроения в пользу взимания платы за нахождение на территории страны российских военных объектов. Постепенно состояние российско-таджикского военно-политического взаимодействия стало объектом критики со стороны местной политической оппозиции. Для многих представителей власти, бизнеса и интеллигенции российские войска стали символом зависимости страны от бывшей «метрополии»³⁵.

Следует также заметить, что ощущение угрозы гипотетического конфликта с афганскими талибами по-прежнему сохраняется в таджикском обществе. Не раз нам приходилось слышать: «Угроза талибов существенна»³⁶, «Талибан — серьезная сила»³⁷. Выражается также беспокойство относительно растущего влияния радикальных исламистов на молодежь Таджикистана. Респонденты подчеркивают роль в этом процессе пакистанских медресе: «Из всех выехавших учиться в медресе Пакистана вернулась назад только половина»³⁸. Представители, придерживающиеся левых взглядов, зачастую отрицают возможность удара со стороны Афганистана: «Угрозы от афганцев нет. В Таджикистане они не найдут поддержки. Еще в 1990-е годы они всему миру показали свое лицо!»³⁹ Любопытно замечание одного из респондентов относительно будущего южного соседа после завершения деятельности Международных сил содействия безопасности в Афганистане: «Сразу начнется гражданская война. Затем на политической карте мира появятся Хорасан и Пуштунистан»⁴⁰. Пожалуй, наиболее рациональным было представление об афганской угрозе представителей Партии Исламского возрождения Таджикистана: «По причине того, что США в ближайшее время не покинут Афганистан, иначе они потеряют и влияние в Центральной Азии, и рычаг давления на Иран, движение талибан, как единственный центр противодействия, будет только набирать популярность. Афганский народ воюет уже тридцать лет, воины в нескольких поколениях ценят независимость, и, как следствие, оказывают ожесточенное сопротивление внешним силам»⁴¹.

Для того чтобы адекватно оценить представления о российско-таджикских отношениях, бытующие в центральноазиатской республике, необходимо дать краткий обзор их новейшей истории.

Экономические отношения двух стран к моменту окончания гражданской войны переживали период стагнации. Несмотря на то что Россия продолжала оставаться важнейшим источником инвестиций в экономику РТ, их объем был весьма незначителен (8 452 000 дол. на 2002 г.), уступая, например, британским вливаниям в золотодобычу на Зеравшане⁴². Это объяснялось как недоверием российских инвесторов к постконфликтной республике, так и ее объективно низкой инвестиционной привлекательностью.

В этих условиях с начала XXI в. основной формой хозяйственных взаимоотношений стал экспорт из РТ в РФ рабочей силы. Значительные масштабы и характер (часто нелегальный) миграции оказали противоречивое влияние на характер отношений между властями и общественностью двух стран. Так, восстановление экономики РФ увеличило потребность в дешевой рабочей силе, а «молодой» Таджикистан не был способен обеспечить занятость трудоспособного населения. В то же время наличие дешевых, непрофессиональных и часто нелегальных «рабочих рук» стало тормозом технологического, правового, а в перспективе и экономического развития России. Сами же мигранты стали не только объектом эксплуатации и нападений националистов (причем не только «славянских», но и кавказских, узбекских), но и носителями оппозиционных настроений по отношению к режиму Э. Ш. Рахмонова.

Значительно усилили негативные последствия «прагматического поворота» синхронные процессы улучшения российско-узбекских и таджикско-китайских отношений.

Не вдаваясь в хитросплетения дипломатических отношений РФ и Узбекистана, отметим, что позитивные тенденции в них возобладали в первой половине 2001 г. Несмотря на активное лавирование между США, Китаем и талибами, И. А. Каримов был вынужден постепенно наращивать военно-политическое, экономическое и культурное взаимодействие с Москвой. Ключевым событием стало получение «Газпромом» доступа на узбекский энергетический рынок (декабрь 2002 г.)⁴³. Эти очевидные успехи резко контрастировали с застоем в российско-таджикских экономических связях. Более того, стало очевидным, что Россия как потенциальный инвестор в развитие гидроэнергетики РТ будет действовать с оглядкой на Ташкент, всегда негативно относившийся к попыткам Душанбе обрести энергетическую независимость. Именно тогда среди таджикских интеллектуалов возникло бытующее и сейчас мнение о недальновидности и несознательности российского руководства, неспособного оценить непостоянство «тюрков» (под которыми подразумеваются прежде всего узбеки) и преданность «иранцев». Одновременно в глазах части интеллигенции девальвировался и без того невысокий авторитет президента Таджикистана («некомпетентный поставлен некомпе-

тентными»). Усилились настроения в пользу возвращения к власти более квалифицированных северян и за укрепление связей с Ираном («Мы должны быть с Ираном»)⁴⁴. Другим ударом по имиджу Э. Ш. Рахмонова стало «дорогостоящее» сближение с КНР.

Важнейшей проблемой в отношениях между РТ и Китаем были территориальные претензии Пекина на три участка на восточном Памире (первый — в районе реки Маркансу, второй — у перевала Каразак, третий — в районе Большого Памира, к югу от перевала Уз-Бель). Переговорный процесс по первым двум завершился к 2002 г., а район к югу от перевала Уз-Бель был «разграничен» только в 2007 г. (соглашение ратифицировано лишь 12 января 2011 г.). Каждый из этапов переговоров сопровождался территориальными уступками со стороны Таджикистана⁴⁵. Несмотря на очевидную выгоду от урегулирования пограничных вопросов с крупнейшей экономикой Азии, цена сотрудничества, а главное, полное игнорирование мнения общественности по этому поводу привело к волне возмущения по всей республике. Появились слухи о получении руководством страны взятки.

Несмотря на это, ценой территориальных уступок правительству Таджикистана удалось выйти на новый уровень отношений с крупнейшим инвестором. Объем прямой государственной помощи за первое десятилетие XXI в., по оценкам экспертов, достиг 1 млрд дол., РТ был предоставлен долгосрочный кредит в размере 600 млн дол. Особенностью китайской экономической экспансии стала первоначальная концентрация на строительстве объектов транспортной инфраструктуры (дорога через перевал Кульма, шоссе «Душанбе — Чанак», тридцать семь мостов, туннели «Шахристан» и «Шар-Шар»), а также ЛЭП («Север — Юг», «Лолазор — Хатлон»)⁴⁶.

Кроме того, очевидные конкурентные преимущества китайских товаров вкупе с высокой культурой делового общения создали предпосылки переориентации местных деловых кругов на ведение бизнеса с Поднебесной⁴⁷. В этой ситуации таджикское руководство стало стремиться ослабить военно-политическую зависимость от России путем развития сотрудничества с КНР в рамках ШОС.

Таким образом, уже в первой половине 2000-х годов отсутствие активной экономической политики РФ в отношении Таджикистана

угрожало утратой политического влияния в этой стране. Ответом стали мероприятия по массированному внедрению в таджикскую экономику российского капитала. Первым шагом стал визит в Таджикистан президента РФ В. В. Путина (апрель 2003 г.)⁴⁸.

Основными сферами экономической экспансии РФ стали энергетика и добыча полезных ископаемых.

В мае 2003 г. на основании соглашения о стратегическом партнерстве доступ к недрам и рынкам республики получил «Газпром». С 2006 г. его «дочки» ведут геологоразведочные работы на участках Сарикамыш, Саргазон, Ренган и Западный Шохамбары⁴⁹, а ООО «Газпромнефть» приступило к строительству в РТ сети АЗС и хранилищ горюче-смазочных материалов⁵⁰. Важным успехом стала эффективная рекламная кампания российского монополиста, которая создала в глазах как простых таджикских граждан, так и экспертов образ мощного, эффективного и современного предприятия⁵¹.

С 2005 г. в Таджикистане работает РАО «ЕЭС». Его главным проектом стало завершение строительства гидроузла «Сангтудинская ГЭС-1». Вложив 720 млн дол., компания полностью ввела объект в эксплуатацию 31 июля 2009 г. Данная ГЭС обеспечивает 15 % совокупной выработки электроэнергии Таджикистана. Особенностью проекта стал полный контроль над его результатом российского правительства, получившего 66,4 % акций ГЭС (таджикскому досталось всего 16,45 %)⁵². Подобное соотношение, навязанное Москвой, вызвало недовольство руководства центральноазиатской страны и стало залогом провала другого совместного энергетического проекта — строительства Рогунской ГЭС.

Рогунская ГЭС должна стать одновременно самым мощным в Вахшском каскаде генератором электроэнергии (3600 мВт) и регулятором стока в бассейне Амударьи. Именно эта двуединая роль в перспективе может совершенно изменить геоэкономику Центральной Азии⁵³. В случае завершения начатого еще в советские годы строительства Таджикистан не только полностью обеспечит себя электроэнергией и сможет экспортировать ее, но и поставит под контроль часть водных ресурсов соседнего Узбекистана. Последний будет вынужден проводить более мягкую политику в отношении соседа. Таким образом, введение в строй Рогунской ГЭС могло существенно повысить статус РТ на международной арене.

Интерес Таджикистана и России к грандиозному проекту был обоюдным. Однако при его реализации к проблеме контроля над акциями предприятия добавилось противодействие режима И. А. Каримова.

В 2004 г. в результате сложных переговоров сооружение Рогунской ГЭС было включено в пакетное соглашение правительства РТ с компанией «Русский алюминий». Рамочные договоренности касались также модернизации старого и постройки нового алюминиевых заводов. Запланированные масштабы инвестиций (около 2 млрд дол.) демонстрировали намерение российской компании установить полный контроль над алюминиевой промышленностью Таджикистана и занять ключевую позицию в гидроэнергетике Центральной Азии⁵⁴. Подобная перспектива, вероятно, не слишком воодушевляла таджикское руководство. Но настоящие проблемы начались в связи с пересмотром технических параметров советского проекта.

Дело в том, что, стремясь затормозить Рогунскую стройку, власти Узбекистана инициировали информационную кампанию по дискредитации проекта. Многочисленные публикации «экспертов» угрожали Центральной Азии экологической катастрофой и попытками Таджикистана диктовать свою волю Узбекистану и Туркмении путем закрытия шлюзов Рогуна. Началась настоящая «информационная война», в которой узбекская сторона добилась немалых успехов⁵⁵. Обеспокоенность экологическими последствиями возведения ГЭС стали выражать международные организации. В этой ситуации «Русал» принял решение разработать новое технико-экономическое обоснование проекта (лето — осень 2006 г.). Исполнителем стала немецкая компания «Лахмайер».

Германские инженеры пришли к заключению, что высоту плотины ГЭС необходимо уменьшить на 40 м по сравнению с советским планом строительства. Это существенно снижало коммерческий потенциал объекта и вызвало конфликт между «Русалом» и таджикским руководством. Итогом стал полный уход компании из Таджикистана (сентябрь 2007 г.)⁵⁶.

Российские власти, пытавшиеся предложить замену «Русалу», столкнулись с жесткой позицией Э. Ш. Рахмонова по вопросу о распределении акций будущего предприятия. Ситуация достигла уровня межгосударственного конфликта.

Интересно отметить, что опрошенные нами таджикские эксперты и представители политических партий республики напрямую связывали этот конфликт с переориентацией РФ на поддержку Узбекистана. И это несмотря на то, что первое и единственное заявление российского президента (Д. А. Медведева) по вопросам центральноазиатской гидроэнергетики, выдержанное в проузбекском духе, относится к январю 2009 г.⁵⁷, когда вопрос о российском участии в строительстве Рогунской ГЭС был давно снят с повестки дня. Таким образом, провал самого капиталоемкого проекта в истории двусторонних отношений РФ и РТ отрицательно сказался на имидже России, закрепив представление о недальновидности и недружественности (т. е. проузбекской направленности) ее региональной политики.

Некоторое оживление в безрадостную картину внесла успешная деятельность в Душанбе российских строительных компаний «Созидание» и «ЖилКапИнвест», а также отечественных операторов сотовой связи «Билайн» и «Мегафон»⁵⁸. Однако на фоне планомерной и масштабной экспансии компаний из КНР и ИРИ эти успехи выглядят более чем скромно. Показательно, что строительство Сангтудинской ГЭС-2 осуществлялось иранской компанией.

Таким образом, к концу 2000-х годов Россия утратила статус единственного значимого экономического партнера Республики Таджикистан.

Как уже упоминалось, важной предпосылкой сохранения российского влияния в Таджикистане в начале 2000-х годов было присутствие российских войск на территории РТ (201-я МСД и Пограничная группа России в РТ). Однако прекращение гражданской войны, создание единой армии Таджикистана и спад активности афганских боевиков привели к изменению отношения таджикских властей к двустороннему военному сотрудничеству.

Первым шагом к его свертыванию была передача США и их союзникам военного аэродрома в Кулябе (2001 г.). Тем самым Душанбе продемонстрировал готовность взаимодействовать в военной сфере с американцами. Ответная реакция выразилась в финансировании США создания таджикских погранвойск и участии ста таджикских военных в тренингах и мероприятиях, планируемых Центральным командованием⁵⁹.

Создав с помощью американцев собственную пограничную службу, руководство РТ поставило перед Россией вопрос о передаче под ее ответственность таджикско-китайской и таджикско-афганской границы. В 2005 г. российские пограничники (кроме двухсот советников) в соответствии с достигнутыми договоренностями покинули таджикскую территорию⁶⁰.

В целом таджикское общество позитивно восприняло начало самостоятельной охраны рубежей республики. Однако жители приграничных районов болезненно отреагировали на уход «русских», присутствие которых было основой местной экономики. Крайне отрицательную реакцию эти события вызвали в Бадахшане, так как памирцы воспринимали наши войска как средство обеспечения своего особого статуса в рамках РТ⁶¹.

Несмотря на создание собственной армии, Э. Ш. Рахмонов не строил иллюзий относительно ее лояльности и боеспособности. Необходимость сохранения присутствия российской 201-й МСД оставалась для таджикского руководства очевидной. Поэтому данное соединение, преобразованное в военную базу (2004 г.), продолжает дислоцироваться в республике по сей день.

В условиях «прагматического поворота» в российско-таджикских отношениях наиболее уязвимым (с точки зрения использования в политическом торге) оказался главный российский военный объект на территории РТ: оптико-электронный узел системы контроля космического пространства «Окно». Завершение его строительства (1999 г.) предоставило в распоряжение властей республики козырь в переговорах о погашении государственного долга. По итогам длительных консультаций передача «Окна» в российскую собственность была оценена в 242,5 млн дол.⁶² Таким образом, «Нурек» (второе название объекта) стоил Москве большей части таджикского государственного долга.

Подводя итог, можно констатировать, что военное присутствие России в РТ не принесло ей политических дивидендов.

Одним из факторов, существенно осложнявших развитие российско-таджикских отношений, была трудовая миграция — один из основных источников благосостояния населения республики. По приблизительным подсчетам, к 2005 г. каждое третье домохозяй-

ство Таджикистана экономически зависело от своего «представителя» в России⁶³. Средства, заработанные таджикскими мигрантами, составляли основную часть доходов населения республики. Кроме того, выезд граждан Таджикистана на работу в РФ являлся «клапаном», снижающим социальную напряженность в самом Таджикистане. Именно мигранты в 2000-е годы стали основными проводниками культурного влияния России и носителями русского языка.

Впервые в рамках рассматриваемого периода тема трудовой миграции обсуждалась на переговорах В. В. Путина и Э. Ш. Рахмонова в апреле 2003 г. Главы государств приняли решение разработать договор об условиях трудоустройства граждан РТ в России. Во исполнение этого решения в 2004 г. был подписан документ «О трудовой деятельности и защите прав граждан РТ в РФ и граждан России в Таджикистане»⁶⁴. А в апреле 2005 г. была достигнута договоренность о создании в крупных городах пунктов выдачи таджикстанских заграничных паспортов.

В 2006 г. в миграционной политике России произошел резкий поворот. Постановлением правительства были введены квоты на выдачу иностранным гражданам из стран, имеющих безвизовый режим с РФ, разрешений на работу⁶⁵. С этого момента любые недружественные шаги со стороны руководства РТ и инциденты с участием таджикских «гастарбайтеров» сопровождались заявлениями российских официальных лиц о необходимости сокращения квот, а то и введения визового режима. Однако на практике довольно скоро выяснилось, что подобные декларации не являются эффективным инструментом давления на администрацию Э. Ш. Рахмонова. Кроме того, квотирование стимулировало рост нелегальной миграции. Таким образом, попытка использования миграции в качестве внешнеполитического рычага привела к дальнейшему ухудшению российско-таджикских отношений.

Следует отметить чисто утилитарный и рефлексивный подход властей РФ и РТ к рассматриваемому феномену. Культурный аспект миграции остается вне рамок государственной политики, что приводит к сохранению маргинального положения «гастарбайтеров» в стране пребывания при одновременном их выпадении из таджикского общества. Так, по данным председателя Молодежно-

го общества студентов Таджикистана Ф. Сатторова, на территории Северо-Западного федерального округа нет ни одной действующей программы обучения мигрантов русскому языку (из личной беседы 20.05.2011). В условиях резкого сокращения сферы применения русского языка в самой РТ и усиления культурной экспансии Ирана, арабских стран и Китая это создает предпосылки для дальнейшего духовного отчуждения населения России и Таджикистана.

Российско-таджикские отношения в сфере культуры на протяжении 2000-х годов не претерпели существенных изменений. Основным проводником российского культурного влияния в республике остался созданный в 1997 г. Российско-Таджикский (Славянский) университет в Душанбе (с 2007 г. в его состав включена также средняя школа с русским языком обучения). В 2009 г. в таджикской столице открылся филиал МГУ им. Ломоносова⁶⁶. Кроме того, в российских вузах обучалось более 4,5 тыс. таджикских студентов, из них 1400 — на бюджетной основе (данные на 2008 г.).

В течение рассматриваемого периода правительственной комиссией по делам соотечественников за рубежом и правительством Москвы учебным заведениям Таджикистана было передано значительное количество учебно-методической и художественной литературы (за 2006—2007 гг. — более 250 тыс. экземпляров)⁶⁷.

Однако ряд мероприятий, направленных на интенсификацию российского культурного влияния, закончился провалом, обнажив пороки российской системы контроля над расходованием средств. Особое разочарование в среде местных «русифилов» вызвало фактическое бездействие двух торжественно открытых в сентябре 2008 г. «Русских центров»⁶⁸.

Одним из основных препятствий на пути распространения российского культурного влияния в Таджикистане стал низкий международный престиж российского образования. Представители высшего слоя таджикской элиты предпочитают оплачивать обучение своих детей в турецких лицеях, а затем отправлять их в рейтинговые университеты Великобритании и США. В условиях фактического наследования многих административных должностей это в обозримом будущем чревато приходом к власти поколения антироссийски настроенных и не знающих русского языка людей⁶⁹.

Другая проблема заключается в последовательной политике «возвращения к корням», проводимой Э. Ш. Рахмоновым с марта 2008 г. В ее рамках произошли удаление из таджикских фамилий славянского окончания (например, сам президент стал именоваться Рахмон), замена ряда «русских» слов на персидские, запрет на проведение «дня знаний» и «последнего звонка», перенос новогодних каникул на период Навруза и, наконец, принятие жесткого закона о государственном языке⁷⁰. Всерьез обсуждается вопрос о возвращении к арабской графике, использовавшейся в стране до 1928 г. Произошла активизация сотрудничества в культурной сфере с Ираном.

Попытки дерусификации столкнулись с сопротивлением значительной части таджикского общества. Например, ряд государственных структур республики (в частности, главное управление геологии) саботировали введение таджикского в качестве языка документации. А на большей части Горно-Бадахшанской автономной области и сегодня использование государственного языка вызывает настороженность и неприязнь местного населения.

Несмотря на это противодействие, очевидным остается стремление руководства РТ понизить официальный статус русского языка, который, согласно статье 2 конституции страны, признан «языком межнационального общения»⁷¹.

Таким образом, отношения РФ и РТ на протяжении последнего десятилетия развивались на фоне различного восприятия всех ключевых измерений двусторонних контактов, что привело к значительному понижению уровня двусторонних отношений.

В политической сфере основным препятствием для сохранения союзнических отношений стал «прагматический поворот» российского руководства, не принявшего во внимание крайнюю экономическую слабость Таджикистана и появление в Центральной Азии новых акторов, способных принять на себя функции опеки. Произошло недооцененное Москвой увеличение внешнеполитической активности «авторитарного режима умеренного типа»⁷². В новых условиях прямым следствием попытки России «получить по счетам» стало охлаждение двусторонних отношений.

Видение РФ и Таджикистаном перспектив двустороннего экономического взаимодействия также существенно различались. Основ-

ной сферой приложения российского капитала стали энергетика и добыча полезных ископаемых. Наиболее перспективными проектами считались строительство Сангутдинской и Рогунской ГЭС, а также добыча таджикского урана при участии «Росатома». Однако если руководство России видело в этих инвестициях средство дальнейшего укрепления своих позиций в РТ, то Э. Ш. Рахмонов пытался сделать гидроэнергетические проекты инструментом достижения независимости Таджикистана и рычагом влияния на энергетические системы Узбекистана и Туркмении. Поэтому, столкнувшись с нежеланием РФ занять однозначно протаджикскую позицию, Душанбе стал искать других инвесторов для добычи своих ископаемых и развития инфраструктуры.

Одним из факторов, предопределивших особенности взаимного восприятия, стала трудовая миграция. Попытки России использовать этот вопрос для политического давления не только выявили относительную устойчивость режима Э. Ш. Рахмонова, но и самым негативным образом повлияли на имидж нашей страны в регионе.

Относительно неудачными следует признать и действия, направленные на модернизацию военного присутствия РФ в Таджикистане.

Развитие двусторонних отношений в сфере культуры остается, пожалуй, единственным примером относительно бесконфликтного взаимодействия. Однако успехи в этом направлении в значительной мере нивелируются рядом громких скандалов (например, связанных с бездействием «Русских центров») и недостаточным финансированием.

Подводя итог, приходится констатировать, что отсутствие долгосрочной региональной стратегии и преследование конъюнктурных интересов привели к существенному уменьшению влияния России в Республике Таджикистан в течение первого десятилетия XXI в. Деловая и политическая элита центральноазиатского государства в полной мере (хотя и вынужденно) восприняла идеи «прагматического поворота» в российско-таджикских отношениях, постепенно диверсифицируя свои контакты с Китаем, Ираном, ЕС и странами Северной Америки. У широких слоев населения под влиянием архаизации общественных институтов, реисламизации и негативного информационного фона трудовой миграции заметны перемены в пред-

ставлениях об общем культурно-историческом опыте народов РФ и РТ. Носителями последнего остаются в основном представители старших поколений технической и гуманитарной интеллигенции многих крупных городских центров, а также жители Горного Бадахшана, в чьем сознании ностальгия по советскому прошлому прочно связана не только с воспоминаниями о статусе ГБАО в СССР, но и с оппозиционностью по отношению к режиму Э. Рахмона. И если место России на ментальной карте большинства граждан Таджикистана все еще значительно, то связано это скорее не с привлекательностью образа нашей страны, а с тем, что за последний век был накоплен колоссальный опыт этнокультурного взаимодействия народов двух стран.

Примечания

¹ Исследование основано на данных опросов, проведенных в Республике Таджикистан в июле — августе 2011 г. в рамках Центральноазиатской экспедиции МАЭ РАН.

² Тишков В. А., Степанов В. В. *Измерение конфликта: методика и результаты этноконфессионального мониторинга сети EAWARN в 2003 г.* (М., 2004), с. 3.

³ Всероссийский (до 1991 г. Всесоюзный) центр изучения общественного мнения.

⁴ <http://bd.fom.ru/report/map/dd063924> (дата обращения 03.10.2012).

⁵ <http://www.levada.ru/05-06-2001/obshchestvennoe-mnenie-v-mae-2001-goda> (дата обращения 02.09.2012).

⁶ <http://www.levada.ru/14-09-2001/press-vypusk-26> (дата обращения 07.10.2012).

⁷ Подробнее см.: Кошлаков Г. В., Тураева М. О., Майтдинова Г. М. *Экономические интересы России в Таджикистане: риски и возможности* (Душанбе, 2009), с. 49—93.

⁸ Бободжанов Н. Становление и развитие социалистической государственности в Таджикистане. *Правоведение* I (М., 1975), с. 32—40.

⁹ Подробнее см.: Олимов М. А. Об этнополитической и конфессиональной ситуации в Таджикистане и вероятности межэтнических конфликтов. *Восток* II (М.а, 1994), с. 79—88.

¹⁰ *Регионы Республики Таджикистан* (Душанбе, 2010), с. 12.

¹¹ Русскоязычное население Таджикистана, насчитывавшее в 1989 г. 490 тыс. человек, после февральских погромов 1990 г. в Душанбе стало поспешно уезжать в РСФСР. Уже к концу 1993 г. эмигрировали 300 тыс. человек, а к 2000 г. «русские» составляли лишь 0,4 % населения республики (Исламов Ф. С. *Тенденции демографического развития Республики Таджикистан* (Душанбе, 2005), с. 146—154). Как и в других бывших советских республиках, они не играли самостоятельной роли в становлении новой таджикской государственности.

¹² Информация из личной беседы с профессором, заведующим кафедрой экономики и менеджмента Таджикско-российского славянского университета Г. В. Кошляковым (18.07.2011).

¹³ Из личной беседы с д. филол. н. Акбаром Турсоном, директором Института языка, литературы, востоковедения и письменного наследия Академии наук Таджикистана.

¹⁴ Информация из личной беседы с муллой Тохиром (Довлатовым) в одной из мечетей Душанбе (19.07.2011).

¹⁵ Информация из личных бесед с сотрудниками главного управления геологии при правительстве РТ (14.07.2011).

¹⁶ Из личной беседы с садовником при Свято-Никольском Соборе Халимом Давлатовичем Шариповым (18.07.2011).

¹⁷ Информация из личной беседы с профессором, заведующим кафедрой экономики и менеджмента Таджикско-Российского Славянского университета Г. В. Кошляковым (18.07.2011).

¹⁸ Общее соглашение об установлении мира и национального согласия в Таджикистане, Москва, 27 июня 1997 года. <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N97/183/33/PDF/N9718333.pdf?OpenElement> (дата обращения: 13.08.2011).

¹⁹ Мещеряков К. Е. *Внешняя политика России в Центральной Азии в 1991—2009 гг.: особенности и проблемы* (СПб., 2010), с. 120—121.

²⁰ Дронов В. А. *Взаимоотношения между Таджикистаном и Узбекистаном*. http://www.ia-centr.ru/archive/public_detailsa0f1.html?id=1022 (дата обращения: 22.01.2011).

²¹ Таджикское общественное мнение по этим вопросам сформировалось еще в советское время, однако его радикализация произошла в начале 1990-х годов (см.: Масов Р. *История топорного разделения* (Душанбе, 1991).

²² Из личной беседы с садовником при Свято-Никольском Соборе Халимом Давлатовичем Шариповым (18.07.2012).

²³ Информация из личных бесед с сотрудниками главного управления геологии при правительстве РТ (14.07.2011).

²⁴ Информация из личной беседы с Доро Дустовым, журналистом Таджикской ССР, в настоящее время пенсионером (17.07.2011).

²⁵ Из личной беседы с главой отдела международных связей партии Исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) А. Давлатовым (08.08.2011).

²⁶ Гуломов С. Все Душанбинские мечети будут снабжены камерами наблюдения. *KLOOP Новости Таджикистана*. <http://ru.kloop.tj/2012/08/24/vse-dushanbinskie-mecheti-budut-osnashhenyi-kamerami-videonablyudeniya> (дата обращения 10.10.2012).

²⁷ Информация из личной беседы с муллой Тохиром (Довлатовым) в одной из мечетей Душанбе (19.07.2011).

²⁸ Из беседы с настоятелем Свято-Никольского храма г. Душанбе отцом Сергием (в миру Сергей Клименко).

²⁹ Там же.

³⁰ Мещеряков. *Указ. соч.*, с. 142—143.

³¹ Соглашение между правительством РФ и правительством РТ о порядке предоставления Российской Федерацией Республике Таджикистан полигонов для проведения боевых стрельб воинскими частями и подразделениями войск противовоздушной обороны Республики Таджикистан (заключено в Москве 19.06.2000). <http://www.bestpravo.ru/fed2000/data04/tex17642.htm> (дата обращения: 20.05.2011).

³² Соглашение между Правительством РФ и Правительством РТ об урегулировании задолженности Республики Таджикистан перед Российской Федерацией по государственным кредитам (заключено в Москве 09.12.2002). <http://bestpravo.ru/fed2002/data01/tex11445.htm> (дата обращения: 20.07.2011).

³³ Мещеряков. *Указ. соч.*, с. 134—145.

³⁴ *Международные отношения в Центральной Азии: события и документы* (М., 2011), с. 318—322.

³⁵ Так, однозначно отрицательную позицию в отношении сохранения российского военного присутствия заняла весьма влиятельная партия Исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) (из личной беседы с главой отдела международных связей ПИВТ А. Давлатовым (08.08.2011).

³⁶ Информация из личной беседы с Доро Дустовым, журналистом Таджикской ССР, в настоящее время пенсионером (17.07.2011).

³⁷ Информация из личной беседы с муллой Тохиром (Довлатовым) в одной из мечетей Душанбе (19.07.2011).

³⁸ Информация из личной беседы с Коджамухаммадом Умаровым, заведующим департаментом макроэкономики, Института экономики при Министерстве экономики и финансов РТ (19.07.2011).

³⁹ Информация из личных бесед с сотрудниками главного управления геологии при правительстве РТ (14.07.2011).

⁴⁰ Информация из личной беседы с Сафаром Абдулло, к. филол. н., ведущим научным сотрудником Института востоковедения МОН Республики Казахстан (5.08.2011).

⁴¹ Из личной беседы с главой отдела международных связей ПИВТ А. Давлатовым (08.08.2011).

⁴² Кошляков, Тураева, Майтдинова. *Указ. соч.*, с. 109. Годом совершенного упадка российского экономического присутствия в РТ стал 2004, когда объем прямых инвестиций составил всего 385,9 тыс. дол. (см.: *Там же*).

⁴³ Подробнее см.: Мещеряков. *Указ. соч.*, с. 196—201.

⁴⁴ Информация из личных бесед с сотрудниками главного управления геологии при правительстве РТ (14.07.2011).

⁴⁵ *Международные отношения в Центральной Азии...* с. 259.

⁴⁶ Кошляков, Тураева, Майтдинова. *Указ. соч.*, с. 155—168.

⁴⁷ Информация получена в ходе беседы с представителем крупного сельскохозяйственного бизнеса РТ Х. Курбановым (03.08.2011).

⁴⁸ «Визит В. В. Путина в Таджикистан» // *Дипломатический вестник. май 2003 года*. http://www.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/99b2ddc4f717c733c32567370042ee43/6463780728d4f7e3c3256d49002129f0!OpenDocument (дата обращения: 20.05.2011).

⁴⁹ Подробная информация о ходе работ публикуется на специальном сайте представительства ЗАО «Зарубежнефтегаз» в РТ. <http://www.tj.zargaz.ru>.

⁵⁰ «Газпром нефть» учредила предприятия в Таджикистане и Казахстане. http://www.gazprom-neft.ru/press-center/news/1658/?sphrase_id=16735 (дата обращения: 20.05.2011).

⁵¹ Из беседы с главой макроэкономического департамента Центра экономических исследований Республики Таджикистан Х. Умаровым (15.07.2011).

⁵² О компании. *Сангтудинская ГЭС-1*. <http://www.sangtuda.com/about/> (дата обращения: 20.07.2011).

⁵³ Кошляков, Тураева, Майтдинова. *Указ. соч.*, с. 126.

⁵⁴ Мещеряков. *Указ. соч.*, с. 147.

⁵⁵ Своеобразную историографию этой политической дискуссии можно проанализировать, используя материалы информационного портала roqun.info.

⁵⁶ Мещеряков. *Указ. соч.*, с. 150—151.

⁵⁷ Совместная пресс-конференция по итогам российско-узбекистанских переговоров. <http://news.kremlin.ru/transcripts/2927> (дата обращения: 20.06.2011).

⁵⁸ Кошлаков, Тураева, Майтдинова. *Указ. соч.*, с. 121—126.

⁵⁹ Сотрудничество РТ с США. <http://www.mfa.tj/index.php?node=article&id=256> (дата обращения: 20.06.2011); Файгенбаум Э. Шанхайская организация сотрудничества и будущее Центральной Азии. *Россия в глобальной политике VI* (2007). http://www.globalaffairs.ru/number/n_9965 (дата обращения: 20.06.2011).

⁶⁰ Звягельская И. Д. *Становление государств Центральной Азии: политические процессы* (М., 2009), с. 127—129.

⁶¹ Там же.

⁶² Соглашение между Правительством РФ и Правительством РТ о передаче в собственность Российской Федерации опто-электронного узла «Нурек» системы контроля космического пространства и порядке его функционирования от 16 октября 2004 г. *Бюллетень международных договоров IV* (М., 2007), с. 42—47.

⁶³ *Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве* (М., 2009), с. 347.

⁶⁴ PDF-версия документа хранится на сайте ФМС: <http://www.fms.gov.ru/law/860/details/37050/> (дата обращения: 21.05.2011).

⁶⁵ *Постановление о порядке выдачи разрешительных документов для осуществления иностранными гражданами временной трудовой деятельности в Российской Федерации*. <http://www.fms.gov.ru/law/862/details/37083/> (дата обращения: 23.05.2011).

⁶⁶ Кошлаков, Тураева, Майтдинова. *Указ. соч.*, с. 315—316.

⁶⁷ *О российско-таджикском сотрудничестве в области образования, науки, культуры, спорта, туризма (справочная информация)*. <http://www.mid.ru/bdomp/ns-rsng.nsf/6bc38aceada6e44b432569e700419ef5/daac0cd6874233c3c3257456001f7b64!OpenDocument> (дата обращения: 23.05.2011).

⁶⁸ Кошлаков, Тураева, Майтдинова. *Указ. соч.*, с. 317—318.

⁶⁹ Информация из личной беседы с профессором, заведующим кафедрой экономики и менеджмента Таджикско-российского славянского университета Г. В. Кошлаковым (18.07.2011).

⁷⁰ Мещеряков. *Указ. соч.*, с. 152—153; *Закон республики Таджикистан о государственном языке Республики Таджикистан* (Душанбе, 2009).

⁷¹ *Конституция Республики Таджикистан*. <http://www.prezident.tj/rus/konstitutsiya.htm> (дата обращения: 24.05.2011).

⁷² Звягельская. *Указ. соч.*, с. 66.